

РУССКОЕ ДЕЛО НА РУССКОЙ ТРОЙКЕ

Российский ученый и философ **Сергей Сухонос** по меньшей мере на 15 лет опередил выводы экспертов элитарного Давосского форума. Климатический кризис становится все острее, а значит, энергетические и экологические проблемы — все тяжелее, азиатские страны превращаются в локомотив мировой экономики, было заявлено в Давосе в нынешнем январе. Сухонос предупреждал об этом в статьях 1993–1995 годов и в книге «Россия в XXI веке. Проблемы национального самосознания», изданной в 1997 году. За ней последовали другие: «Вселенская сила нравственности», «Силы России. Прошлое, настоящее, будущее», «Российский ренессанс в XXI веке», «Русское Дело». Согласно прогнозам мыслителя, в наступившем веке облик мира кардинально изменится. В этом новом мире у по-настоящему возродившейся России будет своя особая неповторимая роль. А условием российского ренессанса станет Русское Дело.

— Что такое Русское Дело, Сергей Иванович?

— Если коротко, стиль трудовой жизни народа, породивший его характер, культуру, самобытную судьбу. Стиль, который, вопреки мнению большинства, не только не устарел, но является золотым фондом мировой культуры. Его востребованность в XXI веке будет огромной.

— Русский национальный характер исследовали и Чаадаев, и Пушкин, и Достоевский, и Гончаров, и Бердяев, и Розанов, и многие другие писатели, философы, историки. Вы смотрите на него под новым углом зрения?

— К трудовым корням русского характера исследователи, например, Ключевский, прикасались очень редко, к тому же исследования оставались на периферии общественного интереса. Лишь в XX веке, когда жизнь поставила русского крестьянина к станку, когда трудовые традиции русского народа столкнулись с чуждой ему культурой западного производства, к этому вопросу обратились новые, к сожалению, в основном, западные исследователи. Они пришли к выводу, что русские нуждаются в существенном перевоспитании. Напротив, с позиций наших крайних славянофилов необходима реставрация патриархальных основ народной жизни. А вот с позиции Русского Дела оказывается, что русский характер нуждается в одном — в дальнейшем развитии без возврата вспять. На переломе веков, тысячелетий и эпох русскому народу необходима лишь точно выверенная национальная цель, гармонично резонирующая с его прошлым и позволяющая развить лучшие качества. Нужна такая цель, которая не замкнет Россию в изоляции от всего мира, а наоборот, позволит ей вплести свою самобытность в процессы развития мировой цивилизации. Однако такую цель не выдумать на пустом месте. Чтобы понять и поставить ее, нужно взглянуть на сегодняшний день сквозь призму истории.

ж у р н а л л ю д е й у с п е х а

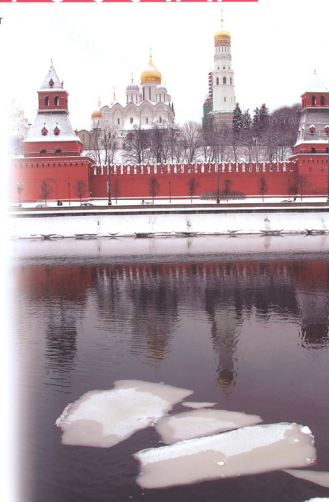
ЭЛИТА
РОССИИ

ФЕВРАЛЬ - МАРТ
2008

Евгений ПРИМАКОВ:
Следовать
нынешнему
курсу

Борис ТИТОВ:
Средний
класс -
основа
развития
страны

Евгений МИРОНОВ:
Дать шанс
молодым

— **Что заставило вас, инженера, «технаря» заняться историческими изысканиями?**

— Во время горбачевской перестройки меня поразила одна газетная статья. Автор утверждал, что России, с ее огромными запасами сырьевых и интеллектуальных ресурсов, незачем заниматься промышленным производством. Жить за счет нефти можно, это мне было понятно. А вот чтобы целая огромная страна жила за счет мозгов?! А как же индустриализация? Пятилетки? Ракеты, самолеты, атомные и прочие электростанции? Могучая советская промышленность — историческая ошибка?.. Я был совершенно сбит с толку. Невольно пришлось по-новому взглянуть на окружающее. Тогда я работал на заводе линейным мастером и мог сравнить организацию и качество нашей работы с организацией и качеством на Западе — эта информация во время перестройки стала обильной и доступной. И пришел к выводу, что наше производство в принципе невозможно поднять до западного уровня, что русский человек несовместим с конвейером: либо человек ломает конвейер, либо конвейер ломает его. Размеренная, монотонная, механическая работа нам противопоказана, для нас органична творческая деятельность, здесь нам просто нет равных.

Осознав главное, я разработал специальную системную методологию и начал исследования Русского Дела.

— **И «откуда есть оно пошло»? Куда идет? Каковы его черты?**

— Зарождение русского трудового характера произошло во время заселения Великороссии в X–XII веках. Во-первых, переселение шло в пространства без границ, поэтому для великоросса стало привычно *перманентное освоение безграничных пространств*. Во-вторых, бесконечные просторы были суровы, покорить их можно было только сообща, поэтому высшим мотивом душевного строя великоросса стал *глобализм свершений в единстве с сородичами*.

В-третьих, переселение происходило скачками, самодеятельно, стихийно, государством практически не контролировалось, и это заложило в национальный характер *анархичность*. Она особенно проявляется в моменты исторических переломов. Отсюда и особенности дикого российского бунта, «бессмысленного и беспощадного». Анархичность глубоко сидит в душе русского человека, постоянно напоминает о себе в обыденной жизни и осознание ее опасности порождает, в противовес ей, консерватизм и желание иметь над собой строгую и твердую верховную власть.

В-четвертых, бескрайние пространства были почти не заселены, они заманивали людей, что породило традицию *открытости, гостеприимства, терпимости к любым национальным и религиозным отличиям*, что впоследствии заложило основы *интернационализма*.

Освоение доставшихся русским лесных и болотистых пространств происходило в условиях сурового климата, отдаленности поселений друг от друга, их временного характера. Эти особенности развили в трудовом национальном характере *самодостаточный синтезирующий универсализм, наблюдательность, изобретливость и изобретательность, неприхотливость*. Мужик просто вынужден был *рисковать, принимать творческие, эвристические решения*. Специфической чертой Русского Дела стала *авральность*, порожденная кротким и дождливым летом, когда нужно было успеть сделать все работы. Понятно, что хуторское расселение и неразвитость кооперации привели к тому, что хозяйство на Руси изначально приобрело явно *нетоварный характер*, а в характере крестьянина развился *трудовой индивидуализм*...

— **Вот как! А знаменитая русская общинность?..**

— Она проявлялась не в труде, а в распределении. Полукочевая жизнь русских крестьян, отсутствие накопленного богатства ставили всех в равные условия, все жили с одинаковым уровнем достатка. Разбогатеть крестьянским трудом было невозможно, поэтому любое богатство подозревалося в нечестном происхождении от воровства или разбоя. Это, как бы мы сейчас сказали, «равенство в нищете» закрепилося в нормах передельческой общины, ежегодно проводившей уравнивание земли и дохода для всех без исключения. Община воспитала в русских *дух равенства и справедливости*. Бросая истощившуюся землю и переходя на неосвоенный участок, человек, по сути, бросал одну собственность и захватывал другую, не придавая этому особого значения. Такая жизнь порождала *отстраненность от собственности*. У русских, как это ни покажется странным, до сих пор не развито чувство собственности, поэтому нет и особого уважения к собственности других.

— **Надо сказать, нарисованный вами портрет весьма противоречив...**

— Да, русскому трудовому характеру свойственно парадоксальное сочетание крайних противоположностей. Русский долго терпит, зато потом безудержен в бунте. Непоседливость, охота к перемене мест уживается с консерватизмом. Индивидуализм соседствует с коллективизмом... Но ведь именно этот парадоксальный набор дает не что иное, как *своеобразие и широту характера*.

— **По-вашему, она характерна и для современных россиян?**

— Конечно. Присмотритесь к коллегам, знакомым, друзьям. Вы увидите и универсализм — без него нечего делать на дачных шести сотках, и изобретательность (чего стоят хотя бы чудеса изворотливости сельских механизаторов или гаражных умельцев!), и авральность (где у нас ее нет?), и индивидуализм в труде (попробуйте-ка поднять на субботник соседей по подъезду или по даче), а уж про бесхозяйственность и говорить нечего. Такой народ, как я уже говорил, не вписывается в прокрустово ложе узкой специализации западного конвейера с его жестко регламентированной дисциплиной и монотонно-размеренным ритмом труда, не приспособлен к изготовлению качественной потребительской продукции. К тому же, нашего человека трудно воодушевить мечтой об уютном домике на берегу альпийского озера...

— **Ну, буду я на бархате сидеть, а дальше что? Так говорит Рогожин у Достоевского.**

— Домик — это неплохо, но мало. Прежде всего, нужна большая цель. Желательно, планетарного масштаба. Нужно большое дело. Желательно, общечеловеческое. И обязательно — творческое. Требующее изобретательности, наблюдательности, эвристичности. Здесь и авральность к месту, ибо нельзя представить творчество в виде монотонного труда. Индивидуализм тут тоже не помеха, ведь творчество глубоко индивидуально. В плюс идут неприхотливость и нетребовательность к бытовым удобствам, которые для творца отнюдь не главное. Отстраненность от собственности тоже помогает, ибо стяжательство, скопидомство, жизненный принцип «пфеннинг к пфеннингу» плохо совместимы с творчеством.

— **Хорошо. Есть ли пример идеального Русского Дела?**

— Освоение ближнего космоса, работа на орбитальных станциях. Это дело творческое, уникальное, неизбежно рисковое, авральное. С одной стороны, инди-

видуальное, с другой — коллективно-общинное. Рассчитанное на терпеливых и неприхотливых универсалов — на орбите пока нет бытовых удобств. И собственности там никакой.

— Но до космоса еще далеко. Особенно нам.

— Как знать! Надвигающийся на планету всесторонний экономический, энергетический, экологический кризис — а его опасность, видимо, уже осознали все — неустраним традиционными средствами. Мои исследования показывают, что справиться с ним можно, только выведя в околоземное пространство всю энергетику, металлургию, производство материалов и прочие «грязные» производства. Эта глобальная задача хорошо соотносится с необходимой русскому духу национальной целью вселенского масштаба. Кроме непосредственной работы в околоземном пространстве найдутся занятия и на Земле, и не только по обеспечению космических проектов, но и в русле земных дел: ведение сложных, «штучных» технических проектов, кардинальное обновления «суммы технологий» — нынешняя, способная использовать в конечном продукте лишь два-три процента вещества и энергии, в корне порочна. Это породит нескончаемый поток научно-исследовательских и экспериментальных работ — как раз того, что мы умеем, того, в чем мы сильны. Можно спрогнозировать некоторые их направления: исследования и эксперименты со структурированной плазмой и в области биологической плазмы; моделирование исторических процессов и реструктурирование подлинной истории человечества, биосферы, космоса; развитие контактов с другими цивилизациями; изучение свойств пространственно-временного континуума; проектирование и изготовление биологических объектов; восстановление экологического равновесия на планете.

— Жаль, что все это — дела не сегодняшнего дня, возможно, даже не обозримого будущего, а «прекрасного далека»...

— Но приступить к ним можно и нужно уже сегодня. Уже сегодня для решения глобальных проблем требуется именно тот «сплав» качеств, которым обладает Россия. К такому выводу подводит трезвый анализ ситуации.

Во-первых, очевидно, что мировой технический прогресс подошел к этапу, когда всю рутинную работу могут взять на себя автоматы и роботы. От людей понадобится умение творить новые и совершенствовать старые вещи. Очень вероятно, что производительность труда станет определяться творческой производительностью, а здесь преимущество на нашей стороне.

Во-вторых, очевидно, что понадобятся новые источники энергии, это повлечет перестройку всей технологической основы мировой индустрии, то есть, работы явно творческой, привычной для россиянина.

В-третьих, цивилизация, судя по всему, подошла к исчерпанию современной парадигмы науки и знания, способа познания и деятельности. Потребуется создание новой картины мира, новой интегральной науки, что соответствует мировосприятию русского человека — мировосприятию синтезирующему и его способу существования — существования в универсальном взаимодействии с природой.

— Так можем считать мы. В России. А если в других странах полагают иначе? Там ведь не знают о Русском Деле.

— Прогноз показывает, что возможны два сценария развития. Первый: человечество, объединившееся, чтобы сообща справиться с проблемами и выжить, понимает, что русские мозги ему необходимы, то есть, по существу, необходимо Русское Дело. Второй: страны выживают в одиночку, засекречивают работы, на-

чинается острейшая конкуренция, борьба не на жизнь, а на смерть. В любом случае шансы у нас есть. В первом, конечно, они выше: высокий спрос на энергоносители дополняется высоким спросом на мозги. Во втором при сохранении высокого спроса на сырье спрос на интеллект еще предстоит создать. Точнее, цивилизованный рыночный спрос. Опыт продвижения российских технологий на Запад можно считать, в основном, отрицательным. Ясно, что там нас не ждут, нормальные партнерские отношения с нами строить не хотят, стремятся скупить наши идеи по дешевке или просто украсть. Хотя рано или поздно взаимовыгодное сотрудничество налаживать придется, это необходимо и нам, и им. Сырье начнет иссякать, а интеллектуальный потенциал Запада — снижаться. Признаки уже заметны.

— Почему речь лишь о западном рынке? Если он нас не устраивает, давайте сосредоточимся на российском.

— Реальный, большой, серьезный рынок есть только на Западе, поэтому столь важно найти туда дорогу. А в России рынок инноваций отсутствует. Казалось бы, новые разработки нужны военно-промышленному комплексу. На деле оказывается, что оборонные заводы живут сейчас очень неплохо, что ВПК завален заказами и имеет огромный нереализованный задел еще советских времен...

— Получается, что мы как не могли, так и не можем толково распорядиться творческими результатами Русского Дела?

— При том, что страна всегда занимала и до сих пор занимает одно из ведущих мест в мире по производству интеллектуального продукта. По некоторым неофициальным данным мы находимся здесь чуть ли в первом месте, по данным Всемирного экономического форума — на шестом. Придумать наш человек может что угодно. Вопрос — что дальше? Новых технологий — море. Внедряй, не хочу. Вопрос — где?.. По коммерциализации идей Россия занимает место в конце восьмого десятка. Для нас, то есть, вернее, для Русского Дела, характерна интеллектуальная избыточность в сочетании с коммерческой недостаточностью. И чтобы разрешить это противоречие, нам жизненно важно создать настоящую интеллектуальную индустрию — инновационно-творческий комплекс, ИТК, которого, кстати, в стране никогда не было. И не только затем, чтобы получать за наш творческий труд достойную компенсацию от мирового сообщества. Наступает время экономики интеллекта и знаний. Это самая эффективная экономика с рентабельностью до тысячи процентов. Ей не грозят кризисы, она питается из неисчерпаемого источника новаций, потому что изобретатели не могут не изобретать, творцы — не творить.

Если не появится ИТК, Россия так и останется стоять на одной сырьевой ноге, как цапля на болоте. А быть страной с моноэкономикой опасно. А для России еще и унижительно. Честно говоря, чтобы добывать и продавать сырье, большого ума, вообще-то, не надо.

— Однако власть заворожена идеей «энергетической империи» евразийского масштаба и сосредоточилась на ее строительстве.

— Энергетика неразрывно связана с экологией. А экологические проблемы решаются либо путем гигантских затрат на всевозможные очистные сооружения и фильтры, либо с помощью малозатратных интеллектуальных технологий. Есть какая-то надежда, что власть ими заинтересуется и становление ИТК, наконец, начнется. Пока оно не идет по двум причинам. Внешняя: на Западе хватает технологий, к тому же, там уверены, что в любой момент найдут у нас любую понадо-

бившуюся разработку, причем за копейки. Внутренняя: нашему правительству хватает денег от продажи сырья. Власть озаботится созданием ИТК лишь тогда, когда покажется дно в кладовых сырья. Или когда костяк правительства составят люди с явной творческой жилкой. Ведь понять и оценить творца способен только творец.

— А пока нам уютно быть сырьевым придатком. Власть властью, но гражданское общество вроде бы тоже довольно. Протестов общественности не слышно, маршей несогласных не наблюдается...

— В том-то и беда! И власть, и народ развращены сырьевой избыточностью. До тех пор, пока народ хочет прожить, извините, на халяву, его будут держать в том «черном теле», в котором держат. Логика тут элементарная: сырьевому бизнесу требуется, допустим, 50 миллионов человек, а остальные 100 миллионов жителей ему не нужны. Ну, не нужны, и все тут! Это лишняя рабочая сила. И ее цена, естественно, падает до минимума, зарплаты людям платят такие, чтобы только не умерли с голоду. Халявная рекламная мечта — «мы с тобой пиво пьем, а денежки идут» — никогда не осуществится. Она сильно мешает русским взяться за ум в прямом и переносном смысле, создать еще один мощный бизнес — инновационный. Экономика интеллекта начнет втягивать рабочую силу, ее цена будет расти. Ее просто необходимо создать, следуя логике Русского Дела.

Кстати, владельцы ТЭК совершенно напрасно жадничают, отказываясь вкладывать деньги в развитие ИТК. Сейчас на сырьевых отраслях лежит все социальное бремя. Когда появятся интеллектуальные производства, когда благодаря им получит новый импульс ВПК, социальную нагрузку потянут трое. Когда мы станем развивать и использовать три направления — сырьевое, оборонное и инновационное, российская экономика обретет устойчивость. Эта «русская тройка» сможет быстро вытащить страну из болота.

Беседовал Евгений ПАНОВ